

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

РОДИНА

СМОЛЕНСКУ
1150 лет

09 2013

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

12+

НОВОСТИ О ПРОШЛОМ

Смоленск отмечает 1150-летие первого упоминания в летописи. Под 863 годом Устюжский летописный свод XVII века (Архангелогородский летописец) повествует о боярах призванного в Новгород варяжского князя Рюрика Аскольде и Дире, которые по пути из варяг в греки увидели на Днепре Смоленск, «и не явиста в Смоленск, зане град велик и многа людьми»¹. Дата вокняжения Рюрика и похода Аскольда и Дира условна, как условны и даты начальной летописи рубежа XI и XII веков Повести временных лет (ПВЛ): в дохристианской Руси не было летописания, составители первых летописных сводов конструировали первые даты, исходя из известных им византийских хронографов². Но Устюжский свод, опиравшийся на новгородские редакции начальной летописи, не только дал собственную хронологию похода, но и унаследовал новгородскую тенденцию противопоставлять средневековую историю Новгорода истории Киева, с его давно ушедшей славой «матери городов русских». Вот почему Аскольд и Дир не решились обосноваться в «великом граде» Смоленске и предпочли «град мал», каким изображается в Устюжском своде Киев. Действительно, миновать Смоленск — стратегический пункт на пути из варяг в греки, контролировавший переход из волховской водной системы в днепровскую, — было невозможно: вещей Олег перед захватом Киева в 882 году «приял» город, явившись туда с союзными кривичами (летописными основателями Смоленска)³.

В Повести временных лет ничего не говорится о великом Смоленске 860-х годов на пути первых варягов, но летописная конструкция воздействовала на интерпретацию фактов, которые стали доступны с началом археологического исследования Смоленска и его округа. В 1874 году при строительстве железной дороги, ведущей на запад, в 13 километрах от Смоленска вниз по Днепру в посёлке Гнёздово был обнаружен клад, включавший шедевры прикладного искусства эпохи викингов и составивший славу коллекции Эрмитажа. Железная дорога прорезала древнее поселение, на котором концентрировались сокровища — многочисленные денежно-вещевыеклады серебра, — но археология XIX — первой половины XX века в большей мере ориентирована была на исследование курганов, а их в Гнёздове было четыре тысячи.

Один из исследователей гнёздовских курганных древностей и основатель российской «исторической археологии» А. А. Спицын писал в начале XX века, что гнёздовские курганы — кладбище старого Смоленска: ведь в самом Смоленске курганов нет. Лишь в 1960-е годы И. И. Ляпушкин, а за ним Д. А. Авдусин стали исследовать в самом Гнёздове поселение, синхронное курганам и датирующееся в широких пределах IX — началом XI века. Параллельно экспедиция МГУ под руководством Авдусина продолжала раскопки в самом Смоленске. Эти работы и обозначили проблему, по сей день вы-

Владимир ПЕТРУХИН,
доктор исторических наук

СМОЛЕНСК И ГНЁЗДОВО. ЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

зывающую острые дебаты. В Смоленске в раскапываемой древней приднепровской части не были открыты слои X и даже первой половины XI века; в Гнёздове ранние комплексы относились к первой половине X столетия, позднейшие — к началу XI века⁴. Сам по себе вставал вопрос о том, где был древний город, и ответ представлялся элементарным: древнейшим Смоленском было Гнёздово, благо Смоленск (Милински) в связи с полюдьем киевского князя упоминал в середине X столетия византийский император Константин Багрянородный. Значит, лишь в первой половине XI века город был «перенесён» на несколько вёрст вверх по Днепру.

Простое решение, однако, представлялось далеко не очевидным: слишком несхожей была материальная культура Смоленска, тяготеющего к кручам правого берега, с его уличной застройкой, срубными жилищами и мостовыми (типичная для древнерусского города) и культура Гнёздова, включающая в себя центральное городище и обширные селища вокруг на низком левом берегу Днепра, в том числе заливаемой пойме. Подобные поселения исследовались в 1970-е годы во многих узловых пунктах формирующегося Русского государства, все они не пережили расцвет в середине X столетия и кризис в XI веке; на этих поселениях обнаруженыклады, следы ремесла, обслуживающего по преимуществу нужды варяжской дружины, вокруг

располагаются курганы, в том числе принадлежащие дружинникам, значит все они, как и Гнёздово, были связаны с княжеским полюдьем, сбором дани. Таковыми представляется Городище в Новгороде (недаром в XIX веке его прозвали Рюриковым), Шестовица под Черниговом, Тимерёво под Ярославлем, Сарское городище под Ростовом. Тогда участники Смоленской экспедиции МГУ предположили, что перечисленные пункты выполняли функции погостов, где после реформ княгини Ольги перераспределялась собираемая с русских волостей дань: в те годы продуктивной представлялась «антинорманистская» мысль академика Б. А. Рыбакова о том, что варяги не в состоянии были укорениться в русских городах — древних племенных центрах, предпочитая опираться на сеть поселений «двойников» в округе этих городов⁵.

Гипотеза о погостах вызвала полемику, не прекращающуюся по сей день. Очевидным казалось то обстоятельство, что предполагаемые погосты были древнее городов, в том числе Гнёздово древнее Смоленска, Городище — древнее Новгорода и так далее. Дальнейшие исследования показали, что ситуация была более сложной. Городище действительно было освоено варягами в 860-е годы, в эпоху летописного призвания князей. Но Новгород стал развиваться как русский город с системой концев в середине X века, параллельно Городищу: значит, присутствие князя и дружины, собирающей дань, не отпалкивало окружающее население — Новгород оставался для него притягательным пунктом, что напоминает о летописном «ряде» новгородцев с князьями, призванными судить и владеть по праву⁶.

Совершенно иной был ситуация в Гнёздове: вокруг поселения практически нет длинных курганов кривичей, древности культуры кривичей на поселении единичны⁷, следовательно, Гнёздово не может претендовать на роль племенного центра кривичей, каковым изображает Смоленск Повесть временных лет в космографическом предисторическом введении. Кто же оставил тысячи гнёздовских курганов? Самые большие («княжеские») и богатые комплексы принадлежали варягам — выходцам из Скандинавии; их насчитывается всего несколько десятков, и процент их казался ничтожным тогда, когда статистика представлялась объективным показателем для этнокультурных процессов. С открытием в Гнёздове камерных гробниц дружинной знати очевидной стала близость гнёздовской курганной культуры культуре синхронных центров, расположенных на пути из варяг в греки, некрополю главного скандинавского города эпохи викингов в Швеции — Бирке и некрополю столицы Руси — Киеву. Но кто, кроме членов элиты — варяжской дружины, мог насыпать «рядовые» малоинвентарные курганы, если эти люди не были носителями племенных традиций кривичей? Культура этих людей была общерусской — та-

кие же курганы известны и в некрополях упомянутых центров в Тимерёве на Верхней Волге и Шестовице на Десне, они были лишены явных племенных признаков.

Понять, каков был этнический и социальный состав населения, живущего вместе и стремящегося к урегулированным, правовым отношениям, помогает древнейший памятник русского права — Правда Ярослава, данная новгородцам в начале XI века: за убийство русина будь-то гридин (дружинник), купчина, ябетник или мечник (сборщики налогов), «аще изъгои будеть, любо словенинь, то 40 гривен положити за нь». Здесь уравниваются в правах не только дружина (собираетельное русь, ед. ч. — русин) и словене, существенно что между ними упомянут изгой, человек, лишившийся родоплеменных связей и зависящий напрямую от княжеской власти. Эти люди и пополняли служебную организацию, обеспечивающую нужды дружины в ранних государствах; на них распространялось дружинное наименование — русь, русские люди².

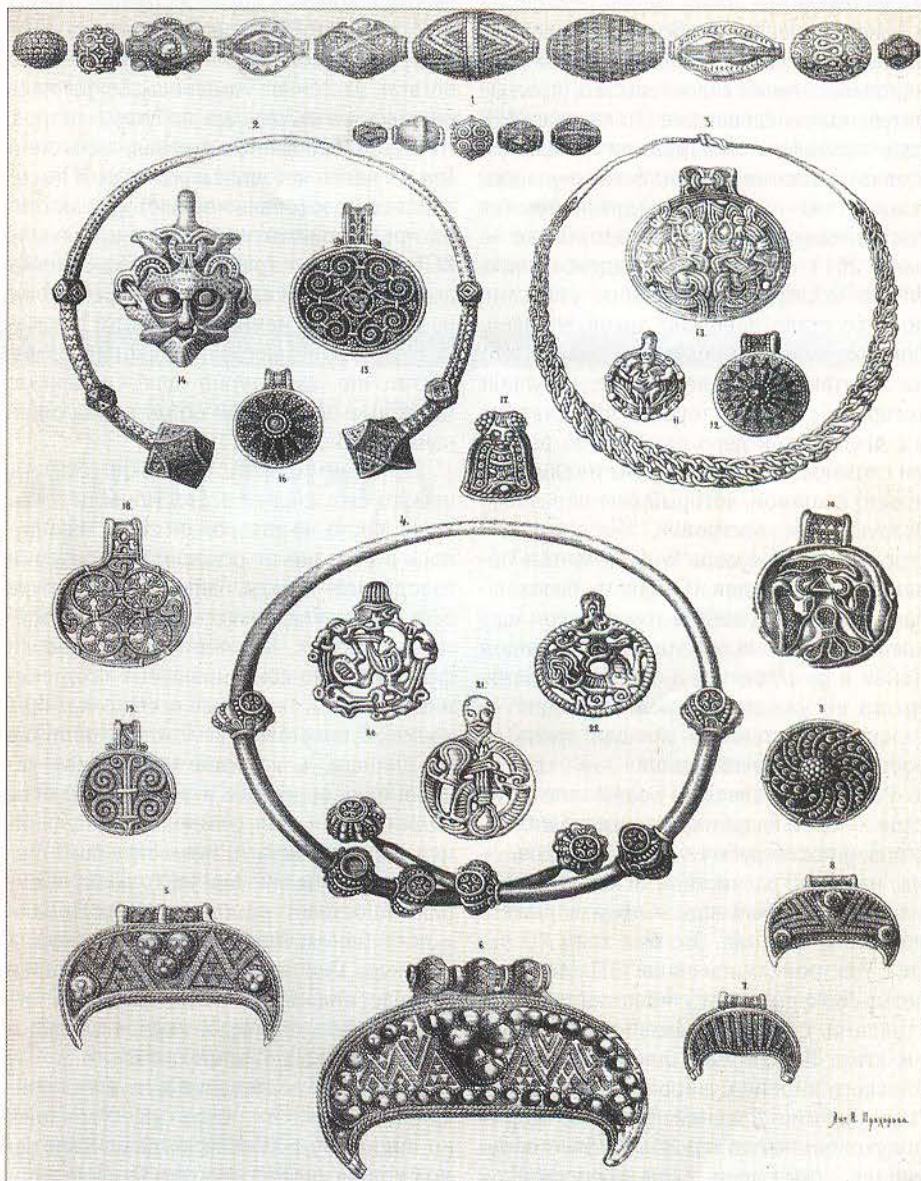
Словене новгородские, сохранившие общее самоназвание всех славян на границе с чужью, «чужим языком», оставили свои погребальные памятники — высокие курганные насыпи (сопки) в округе самого Новгорода и его древнего центра — Городища, что отличает Городище от Гнёздова. Но исторические судьбы двух поселений схожи: активная жизнь на них в XI веке прекращается. И хотя термин Ярославово дворище в отношении княжеской усадьбы на Торговой стороне Новгорода известен по вторичным письменным источникам, очевидно, что Ярослав в начале XI века перенёс свою резиденцию с Городища, почему этот древний центр и приобрёл в новгородской истории название «старого (заброшенного) города». Это не было частным событием новгородской истории: после крещения Руси (988) князь Владимир посадил своих сыновей в русских городах, причём Новгород достался сначала старшему сыну Вышеславу, и лишь после его смерти Ярослав перешёл туда из Ростова. Очередная общерусская реформа привела к утверждению княжеской власти в самих древних городах, очевидно, к кризису сети погостов, связанных с архаичной практикой сбора дани. Поздние летописные своды помещают одного из сыновей Владимира — Станислава — в Смоленск; впрочем, в контексте этого разделения городов и волостей связано и древнейшее упоминание микротопонимии Смоленска в начальном летописании: после смерти Владимира (1015) между его сыновьями начались распри, ростовский князь Борис был убит, его младший брат муромский князь Глеб пытался

бежать к Смоленску, но был достигнут убийцами на Смядыни в пределах видимости («яко зрѣемо») от Смоленска³.

Неясно, насколько можно абсолютизировать дату ПВЛ, составленной на рубеже XI и XII столетий, и считать, что Смоленск существовал на своём месте к 1015 году, но локусы, связанные с жителями первых русских святых князей, не были вымысленными. Смядынь оставалась важным центром Борисоглебского культа: в начале XII века там был основан Борисоглебский монастырь⁴ (культурный слой этого микрорайона Смоленска практически уничтожен новой застройкой).

Итак, вопрос о начале Смоленска далёк от ясности. IX век, включающий условную юбилейную дату — 863 год, остаётся таким же «таинственным» для русской истории и археологии, каким его считал Даниил Антонович Авдусин в 1960-е годы⁵. Археологи мечтают выйти на напластования X века в Смоленске, в Гнёздове на нескольких раскопках обширного поселения ищут IX столетие (Гнёздово как место концентрации кладов оказалось особенно привлекательным и для кладоискателей — к спасательным раскопкам на поселении присоединились студенты-волонтёры из РГГУ).

Смоленский клад. 1 — серебряные дугие бусы, составлявшие ожерелья; 2, 3, 4 — серебряные обручи (гривны); 5–8 — серебряные подвески (полулуники); 9–22 — разные подвески.

Примечания

1. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Л. 1982. С. 18.
2. См. об условности «начальной» даты русской истории: Петрухин В. Кто и зачем призывал варягов? // Родина. 2012. № 9. С. 27–29.
3. Повесть временных лет. 2-е изд. СПб. 1996. С. 14.
4. См.: Смоленск и Гнёздово (к истории

древнерусского города). Под ред. Д. А. Авдусина. М. 1991. Ср. недавнюю характеристику Гнёздова: Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Енисова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. Под ред. Н. А. Макарова. М. 2012. С. 242–273.
5. См.: Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предистории древнерусского города //

История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.
6. См. новейшее юбилейное издание: Новгородская Русь: Рождение державы. Под ред. Е. Н. Носова. СПб. 2012.
7. Нефёдов В. С. Смоленское Поднепровье и Подвинье в период формирования древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М. 2012. С. 270–299.

8. Петрухин В. Я. К проблеме становления государственной собственности на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXV. М. 2013. С. 217–221.
9. Повесть временных лет... С. 69.
10. Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска. Л. 1979. С. 37–64.
11. Авдусин Д. А. Таинственный IX век // Знание — сила. 1969. № 1. С. 26–29.